

О СОСУЩЕСТВОВАНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Боднар А.М.

к. пед.н., доцент, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
abodnar@rambler.ru

Есть научные и ненаучные психологические представления, и есть соответствующие им психологические практики. Но если научные теоретические построения психологическое сообщество, в целом, без труда отличает от ненаучных, то этого не скажешь о различении психологических практик. В статье обсуждаются обстоятельства, наличие которых делает практическую психологию научной, а их отсутствие ведет к вырождению ее в шаманство. Обсуждается одно новое направление практической психологии как пример экспансии современного наукообразного мракобесия под видом психологической помощи.

Ключевые слова: наука, теория, эмпирическое исследование, психологическая практика

ABOUT THE COEXISTENCE OF PSYCHOLOGICAL SCIENCE AND PSYCHOLOGICAL PRACTICE IN THE MODERN WORLD

Bodnar A.M.

the candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia, abodnar@rambler.ru

There are scientific and non-scientific psychological view, and there is a corresponding psychological practice. But if scientific theoretical construct of the psychological community, in General, easily distinguished from non-scientific, this is not true of the distinction between psychological practices. The article discusses the circumstances, the presence of practical scientific psychology, and their absence leads to its degeneration into shamanism. Discusses one new direction of practical psychology as an example of the expansion of modern pseudo-scientific obscurantism under the guise of psychological help.

Keywords: science, theory, empirical research, psychological practice

Классифицировать различные ипостаси психологии можно по-разному. Так говорят об академической (она же фундаментальная) и прикладной психологии, о психологической науке и психологической практике. С 80-х годов 20 века получила официальный статус практическая психология, причем создается впечатление, что в профессиональном сознании психологов она заняла ме-

сто прикладной психологии, то есть прикладная психология приравнивается или сводится к психологии практической.

В связи с этим возникает вопрос о соотношении психологической науки, психологической практики и практической психологии, и возникает он, прежде всего потому, что заниматься психологической практикой можно очень по-разному. Дипломированные психологи, занимающиеся психотерапией, консультированием, психологическим сопровождением различных видов деятельности и т.п., занимаются своим делом от имени науки и с опорой на стандарты научной деятельности. Но есть практики, именующие себя психологами, которые практикуют от имени разнообразных форм мистической (эзотерической, религиозной) психологии, то есть психологии не научной. В обыденном же сознании, а также в профессиональном сознании части представителей психологического сообщества факт различия ориентиров, на которые опираются психологи-практики (один ориентир – наука, другой – мистика), не отражен. Причина этого коренится в непроясненности вопроса о том, что представляет собой психология как наука, к какому типу наук она относится. Прояснить этот вопрос жизненно важно, ибо, как пишет В. М. Аллахвердов, «разные науки играют в разные игры» [1], то есть представители разных наук работают по разным правилам. И если мы, психологи, не рефлекслируем эти правила, то в нашей работе, профессиональной коммуникации неизбежна путаница.

Понять сущность психологии как науки и как практики невозможно, не поставив психологию рядом с другими науками, не выяснив, на что – с точки зрения «правил игры» – она похожа, то есть, не обратившись к проблеме классификации наук. Увидев место психологии в системе наук и, что принципиально важно, поняв критерий, на основании которого производится отнесение к классу, мы сможем и на саму психологию взглянуть незамысленным глазом и понять, какие на самом деле – с точки зрения «правил игры» – существуют психологии.

Я воспользуюсь критерием и основанной на нем классификацией наук, предложенной В. М. Аллахвердовым [1]. Критерием отнесения какого-либо знания к научному или знанию другого, ненаучного, типа служит для данного автора *способ обоснования того, что утверждается*. Этот способ различен для трех корневых типов познания: науки, мистики и художественного творчества. Этот же критерий годится и для выделения основных типов наук, в частности, основных типов психологического знания.

Всего выделяется пять типов наук: логико-математические, естественные и три разновидности эмпирических наук – собственно эмпирические (геология, зоология, география и т.п.), гуманитарные и практические. Еще раз подчеркнем: фундаментальное различие между ними – в способе обоснования того, что утверждается и, как следствие, в том, на что могут претендовать эти науки. Говорить подробно о статусе всех этих наук не позволяет разрешенный

объем статьи (подробности см. в указанных работах Аллаhverдова), обсудим только феномен практических наук.

Критерием выделения практических (технических) наук является полезность: в практической жизни нас обычно волнует не истинность наших взглядов на мир, а эффективность наших действий.

Известно, что теории, созданные в лоне естественных наук (началось все в физике, с Галилея), построены не для реальных, а для идеализированных объектов, а значит, применяться непосредственно не могут. В практических же науках конструируют заведомо неверные упрощения теории, заведомо «ложные» следствия этих теорий. грязные, с точки зрения «чистых» теоретиков, методы решения. Главное – чтобы приближенное решение, получаемое в результате этих упрощений, оказалось достаточно точным для конкретной практической задачи. Так, психологи используют аппарат математической статистики, обычно не слишком заботясь о соблюдении формальных условий его применимости, и при этом иногда получают первоклассные результаты, которые позднее подтверждаются и при более корректном использовании этого аппарата.

В случае отсутствия общепринятых естественнонаучных теорий – такая ситуация типична для психологии (как и для социологии, педагогики, психиатрии) – ориентированные на практику ученые обычно вообще не знают, как применять имеющиеся теории. Все, что они реально могут, – обобщать накопленный опыт и классифицировать используемые практические приемы. Но эти обобщение и классификация, конечно, есть работа теоретическая (то есть не эмпирическая), поэтому практики зачастую убеждены, что с теорией у них все в порядке. Однако такая – теоретическая по процедуре – работа даже у великих практиков давала лишь объяснительные концепции, которые всерьез считать теориями невозможно (великий пример – Фрейд с его «естественнонаучной теорией» психики).

Здесь следует отметить одну важную деталь: Когда мы произносим слова теория и практика, имея в виду научную теорию и практику, опирающуюся на науку, мы не должны забывать еще одно слово «эмпирия». Практических исследований не бывает, бывают эмпирические исследования, ориентированные на решение практических задач. И когда практики говорят о теории, которая обосновывает то, что они делают, и объясняет то, что у них получается – они говорят об обобщениях и классификациях, полученных в рамках эмпирических исследований (выполненных ими или теми, на кого они ссылаются). Подобные исследования чрезвычайно важны, поскольку они способствуют появлению новых принципов классификации, новых естественнонаучных гипотез и новых психологических техник. Но надежность и реальная применимость получаемых таким путем данных не слишком высока. Потому и не удаются попытки внедрения так называемого «передового опыта», на изучение которого

направляют к мастерам своего дела рядовых работников. Педагогика дает яркий тому пример: с отходом от дел педагогических гениев (Макаренко, Сухомлинский, Корчак, Шаталов и т.д.) их школы тихо умирали, а оставались только их книги и легенды о них.

Еще один важнейший при обсуждении проблемы «психология и психологическая практика» вопрос связан с тем, что психологической практикой занимаются отнюдь не только люди, ориентированные на науку, но и шаманы, колдуны, целители и прочие шарлатаны (по крайней мере в университетских психологических кругах их воспринимают именно так). Как отличить мошенничество от реальной помощи? Задачу отделения настоящих психологических техник от шарлатанства как раз и призвана решать психология как наука. Типичная исследовательская работа в области практической психологии, пишет В. М. Аллахвердов, – «проведение эмпирических исследований, в которых ученые пытаются диагностировать эффективность тех или иных психологических техник и определить границы их применимости. Но и в таких исследованиях можно лишь более-менее удачно оценить, произвело ли воздействие ожидаемый эффект, но далеко не всегда можно выяснить, что именно этот эффект вызвало... Прав А. Ш. Тхостов: «Истинные качества продаваемого продукта или конкретные умения данного продавца, как правило, куда менее весомы, чем его способности внушить доверие предполагаемому клиенту. Эта сфера работы практикующего психолога мало отличается от продажи мифов в любой другой человеческой деятельности... Самые дикие и абсурдные лечебные практики обладают терапевтическим эффектом» [1, с. 218-219].

Таково положение дел в практических науках, которыми занимаются психологи-социологи-педагоги, но совсем иначе обстоят дела в практических науках, опирающихся на фундаментальные теории естественных наук. Эти практические науки мы привычнее называем техническими или инженерными. Вот там надежность и применимость результатов эмпирических исследований несравненно выше. Инженер, построивший оригинальный, не имеющий прототипов мост, смело стоит под ним, когда по нему проходит первый поезд, не боясь, что мост рухнет. Причина смелости понятна: инженер знает законы поведения элементов и собранной из них конструкции, законы, полученные фундаментальной физикой. У социального инженера таких законов, как правило, нет.

Чем же располагает психолог, решивший реализовать свои интересы в области психологической практики? Во-первых, достижениями фундаментальной психологии. Но с этим практику трудно, прежде всего, потому что фундаментальных психологических теорий исчезающее мало. Собственно, мне известна только одна – теория сознания В. М. Аллахвердова [2], где есть все признаки и составные части *естественнонаучной* теории, и которая включает в свое объяснительное поле все многообразие фундаментальных фактов, обна-

ружских психологией за ее долгую историю – от Юма до Фехнера, от Фрейда до Фестингера, от Джеймса до Ланге и т.д. Другие серьезные теории не столь фундаментальны, но в рамках той реальности, на которую они распространяются, они служат надежной основой психологической практики. Это, например, теория Л. С. Выготского об опосредованном строении высших психических функций человека и о роли стимулов-средств в организации человеческого поведения и основанная на ней психокоррекционная работа дефектологов. Другой пример – теория поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина и основанная на ней педагогическая практика.

Во-вторых, в распоряжении желающего оказывать психологическую помощь (в широком смысле, от психотерапии через психологическое консультирование до психологического сопровождения различных видов профессиональной деятельности) имеется необозримое поле уже существующих практик с положенными им теориями (впрочем, мы помним, что на статус полноценных теорий они не тянут, а являются рационализацией деятельности практика). Пользоваться этими практиками можно, но выше уже говорилось, как обстоят дела с заимствование передового опыта.

В общем, картина вырисовывается не слишком радостная, но разве это когда-нибудь смущало честолобивых практиков! При наличии спроса будет и предложение. И если практик – порядочный в научном отношении человек, то он будет проверять эффективность своей деятельности, организуя собственные эмпирические исследования, или пользуясь результатами опубликованных работ. Если же с наукой он расстался, сдав последний зачет, то он будет работать дипломированным шаманом и тем лучше себя чувствовать, чем больше денег будут заносит к нему доверчивые клиенты.

В связи со сказанным хочется обсудить труды одного психолога, который проявил себя и как теоретик, и как практик. Речь идет о книгах А. А. Шевцова «Введение в общую культурно-историческую психологию» [4] и «Общая культурно-историческая психология» [3]. Вообще-то этот автор плодовит, у него найдется еще с десяток книг, составляющих «Школу самопознания». Эти книги являют собой, так сказать, «теорию практики» Шевцова, а собственно теоретическими работами, на основании которых эта школа строится, являются книги, названные выше.

Я начал с «Общей культурно-исторической психологии», с самого начала, и уже в четвертом абзаце прочел заявление автора о том, что он не принадлежит к научному сообществу. Как же так, ведь на его сайте сказано, что он доктор психол. наук, то есть член научного сообщества. Неужели он защитил докторскую диссертацию с целью пробраться в это сообщество, чтобы иметь возможность со знанием дела, так сказать, заявить: «Из книги в книгу я пытаюсь показать, что в мире уже четыре столетия существует заговор, который под видом естественнаучности имеет целью уничтожить и искоренить

из нашего сознания любые понятия о душе...» [4, с.3]. Здесь я, выпускник факультета психологии Ленинградского университета, воспитанный в естественнонаучной – естественно – традиции вздрогнул, ибо оказался вдруг членом некой научной мафии, о чем прежде никогда не подозревал. Более того, слово душа никогда не было для меня ругательным, хотя изучать психологию я начал еще в 70-е годы прошлого века, когда официально «души» в психологии не было. А потом это слово появилась в официальной психологии, на обложках учебников [5]. И вдруг на тебе, заговор, а я, стало быть, заговорщик и душегуб. Ну да ладно, книги толстые, и ведь что-то привлекло меня в них при беглом знакомстве. Поэтому – читаю дальше.

Читаю историческое, философское, культурологическое отступление из первого раздела «Основы ки-психологии, заложенные К. Д. Кавелиным», читаю раздел второй (но не третий!) – и мне нравится! Автор – очевидно талантливый человек, эрудированный, владеющий слогом и стилем, а еще обладатель редкого дара писать интересно и понятно о сложном. Автору удалось выстроить свою – и весьма интересную – версию истории психологии, а учитывая большое количество обширных цитат из первоисточников, его текст – еще и хрестоматия по истории психологии.

Анализ работ своих предшественников – Кавелина, Выготского, Коула и др. (впрочем, предшественником А. А. Шевцов считает, похоже, только К. Д. Кавелина, остальные так или иначе подпорчены то ли марксизмом, то ли биологизмом) – проведен так же интересно.

И все было бы замечательно, если бы время от времени автор не срывался на прямо-таки злобную брань в адрес науки. Чем же досадила А. А. Шевцову наука и особенно естествознание?

В книге «Введение в культурно-историческую психологию» вторая глава «Понятие парадигмы» начинается параграфом «Цель», где автор дает свою интерпретацию феномену науки (к которой он, как мы помним, не принадлежит). Какова же, по Шевцову, цель науки, не декларируемая, а скрытая, но истинная? *«Отобрать своих и не впустить чужих»* [3, с.28]. В подтверждение этой мысли автор цитирует уважаемого ученого Питирима Сорокина: «В любом обществе есть много людей, жаждущих продвижения в верхние слои. Но так как только некоторым удастся сделать это, и так как при нормальных условиях социальная циркуляция не носит неупорядоченного характера, то вероятно предположить, что в любом обществе существует особый механизм, контролирующий процесс вертикальной циркуляции. Этот контроль заключается, во-первых, в тестировании индивидов для установления адекватного выполнения ими социальных функций; во-вторых, в селекции индивидов для определенных социальных позиций; в-третьих, в соответствующем распределении членов общества по различным социальным слоям, в их продвижении или деградации» [3, с.29]. Все точно и, во-первых, и, во-вторых, и, в-третьих, и происхо-

дит это в любом обществе и в любой сфере деятельности. Надо полагать, что тоже, что и в «любом обществе», происходит и с желающими быть членами общины Шевцова «Заповедник народного быта» (узнать о котором может любой пользователь интернета, набрав в поисковике «Шевцов А. А.»), где он и реализует свою версию практической психологии.

А объединяет своих в научное сообщество *парадигма*, главный признак которой, по А.А.Шевцову, оценка своих как хороших, а чужих как плохих: «Отсутствие оценки «их» как плохих (пусть даже сильно завуалированной, тонкой), а «нас» как хороших, расценивается как своеобразное предательство». И еще одна важная характеристика научного сообщества: «ученый – не только искатель истины, но и борец за место в своем сообществе, а для сообщества – боец на научном фронте за достойное место научного сообщества в обществе.» [3, с.32]. И с этим никто не станет спорить при условии, что главное для науки – поиск истины. А то, что происходит это на фоне борьбы за достойное место в обществе – так по-другому не бывает, и не только в науке, ибо, как известно, нельзя жить в обществе, и быть свободным от общества. Вряд ли А.А.Шевцов этого не знает, но если не домысливать, а обращаться прямо к тексту, то смысл существования ученых, особенно естествоиспытателей, для него – это борьба за власть, славу и блага.

Первым естествоиспытателем был Аристотель, ему А.А.Шевцов отводит целых 48 страниц «Введения в культурно-историческую психологию» (вдвое больше, чем Декарту!). И что же является лейтмотивом разговора об Аристотеле? Аристотель создает науку, то есть то, что «...рождается из учения Сократа и Платона, если пересмотреть их объективным научным методом и *очистить от человека*, ...он позволил родиться сообществу, способному сплотиться вокруг предложенного им стяга. А это значит, воинственному сообществу, готовому убивать и травить чужих» [3, с. 182-183]. «Скажи, ты когда-нибудь задумывался, что это не наука громит идеализм с помощью примеров из истории. Скажем, рассказывая, как Аристотель приложил Платону. А это до сих пор руками и умами тысяч и тысяч ученых, бездумьем миллионов и миллионов обывателей Аристотель все еще громит Платона, а вместе с ним весь тот путь, который показал нам Сократ» [3, с. 184]. И так далее. Зачем жил Аристотель? Чтобы опровергать Платона. И знаменитое: «Платон мне друг, но истина дороже» - вранье, способ замаскировать истинные цели, которые, как и положено естествоиспытателю, есть борьба за славу и власть над умами. И это только начало, потому что Аристотель – начало. Дальше про всех, имеющих отношение к естествознанию, этих, так сказать, душителей души, читатель найдет аналогичные пассажи. С чего бы? А может воспользоваться советом самого А.А.Шевцова и поискать его скрытые мотивы?

Впрочем, он не первый, кто наезжает на естествознание и ту психологию, которая объявила себя естественнонаучной. Вот В. М. Аллахвердов в

книге «Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания», обсуждает один из таких наездов со стороны всемирно известного методолога науки П. Файерабенда. Здесь я позволю себе привести большую цитату из Аллахвердова, поскольку не хочется портить пересказом текст такого блестящего автора.

«Вот впечатляющая конструкция анархистствующего методолога П. Фейерабенда: «В отношении науки все ясно. Наши оболваненные прагматические современники склонны предаваться восторгам по поводу таких событий, как полеты на Луну, открытие двойной спирали ДНК или термодинамического неравновесия. Однако при взгляде с иной точки зрения все это – смешно и бесплодно. Требуются миллиарды долларов, тысячи высококлассных специалистов, годы упорной и тяжелой работы для того, чтобы дать возможность нескольким косноязычным и довольно-таки ограниченным современникам совершить неуклюжий прыжок туда, куда не захотел бы отправиться ни один человек, находящийся в здравом уме, – в пустой, лишенный воздуха мир раскаленных камней. Однако мистики, пользуясь только своим сознанием, совершали путешествия через небесные сферы и созерцали Бога во всей его славе, что придавало им силы для жизни и для просвещения своих сторонников. Лишь невежество широкой общественности и ее строгих воспитателей-интеллектуалов, поразительная скудость их воображения заставляют бесцеремонно отвергать подобные сравнения». Ах, какой пафос, какая изысканная аргументация!

Г-н Фейерабенд, да простят меня его поклонники, имеет большой литературный талант, неплохое знание истории физики, но не имеет научной совести. Ведь на вопрос: *как можно объяснить разительные успехи естественных наук?* этот вполне владеющий логикой джентльмен отвечает по принципу: если дядька в Киеве наелся бузины, то ему не до научных теорий. Поверить Фейерабенду, так получается, будто прогресс естественной науки никому не нужен и состоит лишь в том, что тысячи самых высококлассных специалистов работают на группу косноязычных сумасшедших с единственной задачей отъема миллиардов долларов у остального населения земного шара (т.е. у интеллигентов и специалистов невысокого класса?) на свои лишние всякого здравого смысла затеи. Поэтому гг. интеллектуалы (наподобие нобелевского лауреата В. Гейзенберга и иже с ним) оболваненные своими невежественными наставниками со скудным воображением, опомнитесь, пока не поздно, и поверьте Фейерабенду: вам лучше сидеть в пещере и медитировать. Что значат ваши хваленые достижения в области высоких технологий, все ваши компьютеры, самолеты и новые медицинские средства, коли все исследователи первобытного общества в один голос отмечают, что в те далекие времена люди жили гораздо более богатой духовной жизнью, чем сегодня. В таком пещерном состоянии – и это самое замечательное следствие из подобных рассуждений! – не

надо вообще ничего знать (чем меньше знаешь, тем лучше спишь), можно даже не уметь считать до биллиона. Правда, для того, чтобы все-таки представлять, как жили люди в первобытную эпоху, сначала каким-то невежественным интеллектуалам необходимо было украсть у кого-то очередные биллионы. О подобной чепухе можно было бы и не рассуждать, да уж больно она популярна» [1. с.259-261].

Не знаю, кем себя считает сам А.А.Шевцов, но по тому, что он себе позволяет, он – методологический анархист. А раз так, то все позволено. Позволено приписать естествоиспытателям все те грехи, о которых говорилось выше, а после этого начать священную войну с неверными. Наш автор воюет прежде всего с психологами, полагающими, что естественнонаучная, экспериментальная психология – не артефакт, не тупиковая ветвь эволюции науки, а явление, не менее полезное и важное для человечества, чем психология гуманитарная, в частности, культурно-историческая, что эти разные психологии дополняют друг друга, являясь разными языками, на которых разговаривает душа. Напомню тем, кто забыл или не в курсе: слово и понятие «душа» сегодня вернулось в официальную науку. Так что А.А.Шевцов не одинок в борьбе за душу в психологии. А вот пути этих борцов, их мотивы, цели, методы – разные. И это хорошо, есть с чем сравнивать и, отталкиваясь от чего, выбирать свой путь, свое видение.

В «Общей культурно-исторической психологии», в первых двух разделах, на которые приходится 327 из 407 страниц, автор делает обзор идей и работ ученых, так или иначе отметившихся на поле будущей культурно-исторической психологии. В разделе третьем «Общие начала КИ-психологии» представлены идеи самого А.А.Шевцова. Как к ним отнестись? Ну как я могу отнестись к определениям типа: «Душа – это то тонкое тело, в котором я оказываюсь после смерти или когда выхожу из тела, обычно именуемого физическим»? [4, с.329] Читал я и раньше кое-что из изотерики, бывало интересно (если автор попадался талантливый рассказчик, вот как А.А.Шевцов), но в целом – идиосинкразия. Когда исходные понятия таковы, то дальнейшее чтение становится необязательным. Но я дочитал, с интересом и с пользой. У автора есть несомненное достоинство: он не просто настаивает на необходимости говорить не на научном жаргоне, а на обыденном, «народном» языке, но и хорошо это делает. Не зря же он – член союза писателей России, как сообщается на его сайте (и спасибо ему, не злоупотребляет заимствованиями из языка неких *мазыков*, у которых он «учился народной психологии», а то выдержать много *лопоти* вместо сознания, *водмы* вместо мировоззрения нестойкая душа не смогла бы). Если относиться к его текстам как к литературе, то знакомство с ними, очевидно, обогащает тезаурус психолога, дает возможность учиться лучше разговаривать о сложном (а что есть на свете сложнее души!) как с коллегами-психологами, так и с «народом», причем последнее кажется мне не ме-

нее важным, скорее - более.

Итак, книги А. А. Шевцова, о которых идет речь, вполне достойны того, чтобы профессиональные психологи читали их с интересом и пользой. В зависимости от своих парадигм они отсеют все им ненужное, после чего думаю, много чего останется. Но есть опасность, что обаяние таланта этого противника науки и, будем называть вещи своими именами, современного мракобеса может соблазнить не получивших должной прививки естествознанием выпускников университетов, и тогда ряды дипломированных шаманов и организаторов сект пополнятся.

Литература:

1. Аллаhverдов В. М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Издательство «Речь», 2003. 368 с.
2. Аллаhverдов В. М. Сознание как парадокс. (Экспериментальная психология, т.1). СПб.: «Издательство ДНК», 2000. 528 с.
3. Шевцов А. А. «Общая культурно-историческая психология». СПб.: Тропа Троянова, 2007. 407 с.
4. Шевцов А. А. «Введение в общую культурно-историческую психологию». СПб.: Тропа Троянова, 2000. 544 с.
5. Шабельников В. К. Психология души. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 240 с.